

- Ваше Величество, младшего сына из поместья генерала, защищающего государство, уже доставили в Чертог Радости.

Придворный евнух стоял на коленях перед драконьим ложем, прижимаясь лбом к полу и не смея поднять глаз.

Сидевший на ложе мужчина был закутан в черные одежды. Его суставы так истощали, что казались синеватыми, но кашель не мог заглушить ту суровую властность, что крылась в самом его естестве.

Цзи Ушуан приоткрыл веки и хрипло произвел:

- Какой-то дурачок, и он тоже достоин того, чтобы Одиночка лично вышел его встречать?

В покоях никто не осмелился ответить.

Три месяца назад Цзи Ушуан собственными руками казнил двух несговорчивых сановников в Зале Цзиньлуань. Три месяца спустя он болел так тяжело, что даже императорские лекари не решались составлять его медицинские карты. Весь дворец затаил дыхание в ожидании исхода: все ждали, пока этот тиран испустит дух, и Великое Цянь сменит владыку.

И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент Бюро Астрономии подало предсказание судьбы. Там утверждалось, что младший сын поместья генерала, защищающего государство, Се Чанфэн обладает особой судьбой и способен войти во дворец для устранения злых духов и укрепления удачи, дабы укрепить государственные устои.

Какой абсурд.

Ознакомившись с тем предсказанием, Цзи Ушуан едва не приказал выволочь главного астронома во двор и отдать на растерзание.

Но за ним следила Вдовствующая императрица, за ним следовали удельные князья, за ним следовали все придворные чиновники. Если бы он отказался, то уже завтра кто-нибудь стал бы заливать слезами в тронном зале, причитая о гибели государственных устоев, а послезавтра кто-нибудь непременно осмелился бы пригласить в столицу удельного князя.

Опираясь о край кровати, Цзи Ушуан приподнялся, в его взгляде таилась болезненная тяжесть:

- Переодеть Меня. Одиночка хочет взглянуть, что за дурачок способен отвести беду.

Евнух торопливо поднялся на ноги и лично накинул на него тяжелую мантию.

В Чертоге Радости ярко горели красные свечи.

Се Чанфэн сидел на краю ложа, накрытый с головой алым свадебным покрывалом, а в его рукаве пряталась половинка пирожного с османтусом.

Услышав, как скрипнули распахнутые двери залы, он тут же задвинул пирожное еще глубже в рукав.

Все в поместье генерала, защищающего государство, считали его дурачком.

Придворные во дворец тоже принесли эту молву.

И слава богу, что дурачок.

Дураку не нужно бороться за власть, не нужно выбирать сторону и не нужно объяснять, почему с самого детства ему всегда удавалось избегать любых бед.

Опустив голову, Се Чанфэн сквозь прозрачную ткань покрывала разглядел пару черных сапог, остановившихся прямо перед ним.

От этого человека пахло лекарствами и запекшейся кровью.

Про себя он тяжело вздохнул.

Неужели это и есть Цзи Ушуан?

Тот самый свирепый тиран Великого Цянь, что по слухам убил собственного брата ради трона и кромсал чиновников, словно сорную траву?

Какая неудача.

Он ведь всего лишь хотел спокойно уплетать сладости в генеральском поместье, почему же в одно мгновение его запихнули в паланкин и отправили спасать тирана от злых духов?

– Подними голову, – голос Цзи Ушуана упал сверху, холодный, как лезвие клинка.

Се Чанфэн не шелохнулся.

Стоявшая рядом пожилая матушка испуганно задрожала и тихонько принялась уговаривать его:

- Молодой господин, Его Величество велел вам поднять голову.

Се Чанфэн неторопливо обхватил себя за рукава и невнятно бормоннул:

- Голоден.

Цзи Ушуан уставился на этот лоскут алого шелка, и уголки его губ насмешливо дрогнули.

- Голоден? – он наклонился вперед, подцепив кончиком пальца краешек покрывала. – И вот это отродье выучили в поместье генера, защищающего государство?

Внутри у Се Чанфэна все мгновенно напряглось.

Началось.

Тиран предсказуемо оказался человеком трудным.

Перед отправкой во дворец отец даже плакал, наставляя: если выжить не удастся, считай это исполнением долга верности роду Се. Се Чанфэн тогда едва не подавился куском пирожного.

Какой еще долг верности?

Он еще не нажилась в этом мире.

Палец Цзи Ушуана едва заметно дрогнул, собираясь сдернуть покрывало.

В этот самый миг прямо перед его глазами внезапно всплыла строка холодных иероглифов.

[Идет привязка Симулятора управления государством и выживания.]

Палец Цзи Ушуана замер.

Его взгляд помрачнел, и первой мыслью было, что кто-то в покоях колдует.

Но тут же за ней появилась следующая строка.

[День первый: Вы не верите в предначертания судьбы, насильно срываете с Се Чанфэна покрывало, публично оскорбляете его и принуждаете к близости.]

[Спящая волеизъявленная воля Небесного Пути в теле Се Чанфэна приходит в ужас.]

[На мир обрушивается божественная кара, столица в мгновение ока уходит под землю, государственные устои Великого Цянь рушатся.]

[Вы погибаете, не оставив даже целого тела.]

Рука Цзи Ушуана застыла в полудюйме от покрывала.

В покоях с треском лопнула горящая красная свеча.

Евнух и матушка стояли, опустив головы, и не заметили, как дикая свирепость в глазах императора была насильно подавлена.

Глядя на слова перед собой, Цзи Ушуан почувствовал во рту привкус крови.

Он не верил в богов и демонов.

Он убивал монахов, крушил статуи божеств и распекал чиновников Бюро Астрономии последними словами.

Но когда появились эти строки, он отчетливо воочию представил себе эту картину.

Чертог Радости рушится, земля под императорским городом трескается, и бесчисленные жители на улицах даже не успевают прокричать от боли, как их поглощает черный огонь, рвущийся из-под земли. Его собственное тело оказывается придавлено обломками камней, и наружу торчит лишь обломок руки в рукаве с вышитым драконом.

Смерть без погребения в целости.

Эти четыре иероглифа были выписаны предельно четко и ясно.

Цзи Ушуан медленно отвел руку.

Се Чанфэн добрую половину дня прождал под покрывалом, но вместо унижения дождался лишь гробовой тишины.

Он стал еще настороже.

Почему тиран не срывает покрывало?

Неужели он выжидает, пока тот сам выдаст себя со страху?

Се Чанфэн тут же сделал голос еще более жалобным и, цепляясь за рукав, залепетал:

- Пирожное... голоден.

Цзи Ушуан посмотрел на поддрагивающий рукав под покрывалом, и его брови едва заметно дернулись.

Воля Небесного Пути?

И это — она?

Какой-то дурачок, прячущий пирожное в рукаве свадебного наряда?

Он долго всматривался в Се Чанфэна: как бы ему ни хотелось противиться этому бреду, проверять на опыте уход столицы под землю он не смел.

Цзи Ушуан отступил на шаг назад, и его голос прозвучал пугающе низко:

- Сегодня ночью близости не будет.

Матушка замерла.

Евнух тоже остолбенел.

Цзи Ушуан бросил на них взгляд:

- Непонятно?

Оба испуганно рухнули на колени:

- Слушаем вашу волю, валовое повеление!

У Се Чанфэна внутри все екнуло.

Близости не будет?

Значит, у него припасены другие фокусы.

Годами притворяясь дураком в генеральском поместье, он больше всего боялся именно таких людей с умом, действующих вопреки всякой логике.

Цзи Ушуан повернулся и направился к кушетке за ширмой, но, сделав пару шагов, снова остановился.

В Чертоге Радости повсюду валялись золотые ножницы и нефритовые ножи для ритуала соединения сердец, а у евнухов и слуг на поясах висели короткие клинки.

Вспомнив словосочетание «приходит в ужас», он почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок.

– Ли Дэцюань.

Старый евнух тут же подбежал ближе:

– Раб здесь.

Цзи Ушуан понизил голос:

– Убери из покоев все, что имеет лезвие. Золотые ножницы, кинжалы, ножи — оставить запрещено хоть что-то одно.

Ли Дэцюань решил, что ему послышалось:

– Ваше Величество, но ведь свадебный ритуал...

– Я сказал: убрать, – взгляд Цзи Ушуана придавил его к полу. – Кто посмеет заставить его испугаться, того Одиночка первым отправит прокладывать путь на тот свет.

У Ли Дэцюаня подкосились ноги, и он в спешке принялся собирать вещи вместе со слугами.

В Чертоге Радости мгновенно поднялась суматоха.

Придворные бесшумно убрали ритуальную утварь, не обходя вниманием даже крошечные серебряные ножницы для подрезания фитилей.

Се Чанфэн прислушивался к звукам из-под покрывала, чувствуя себя все более неуверенно.

У этого тирана точно не все дома, да?

Он и не трогает его, и другим запрещает прикасаться к оружию.

Неужели он хочет уморить его здесь голодом и заточением?

Цзи Ушуан подхватил шелковое одеяло и направился в боковую залу.

Когда Ли Дэцюань увидел, что император сам тащит постель, у него глаза чуть из орбит не вылезли.

– Ваше Величество, позвольте рабу.

Цзи Ушуан увернулся от его рук, бросив сухо:

– Одиночка поспит один.

Услышав это, Се Чанфэн едва не растерзал пирожное в рукаве.

Сам Сын Неба в брачную ночь сбегает с одеялом подмышкой?

Он лихорадочно просчитывал варианты в уме.

Тиран переменчив в гневе и милости, ему нельзя верить.

Возможно, это проверка, а может, снаружи полно тайных стражников, которые только и ждет, пока он скинет покрывало и покажет, что вовсе не глуп.

Се Чанфэн уселся еще смирнее и тихо забормотал себе под нос:

– Голоден... пирожное.

Уже у дверей боковой залы Цзи Ушуан обернулся и бросил на него взгляд.

Фигура под красным покрывалом сжалась в комочек, словно действительно не понимая, что происходит.

Но симулятор не станет лгать.

Внутри этого на вид безобидного дурачка скрывалось нечто способное снести с лица земли целую столицу.

Цзи Ушуан закрыл глаза, с силой подавляя бушующее в груди раздражение.

С самого момента восхождения на престол он ненавидел, когда кто-то дергает его за ниточки.

Но умереть ему хотелось еще меньше.

Как только двери боковой залы закрылись, Ли Дэцюань лично встал на страже снаружи, стараясь даже дышать через раз.

Слуги переглядывались исподлобья.

Никто не понимал, почему вошел император с такой убийственной жаждой крови на лице, а вышел так, словно за ним гнался сам кошмар.

Сидя на кушетке в боковой зале, Цзи Ушуан не сводил глаз с еще не исчезнувших перед ним слов.

Симулятор не издавал звуков, но действовал на нервы куда сильнее, чем плач всех сановников в тронном зале вместе взятых.

Он поднял руку и потер переносицу, собираясь уже отдать приказ позвать лекаря, как перед ним всплыло новое предупреждение.

[Если Се Чанфэн этой ночью простудится, его оберегающая государственные устои судьба пострадает, и через три дня на Северные границы преждевременно обрушится снежная буря.]

Рука Цзи Ушуана замерла над бровью.

<http://bllate.org/book/19343/1891452>